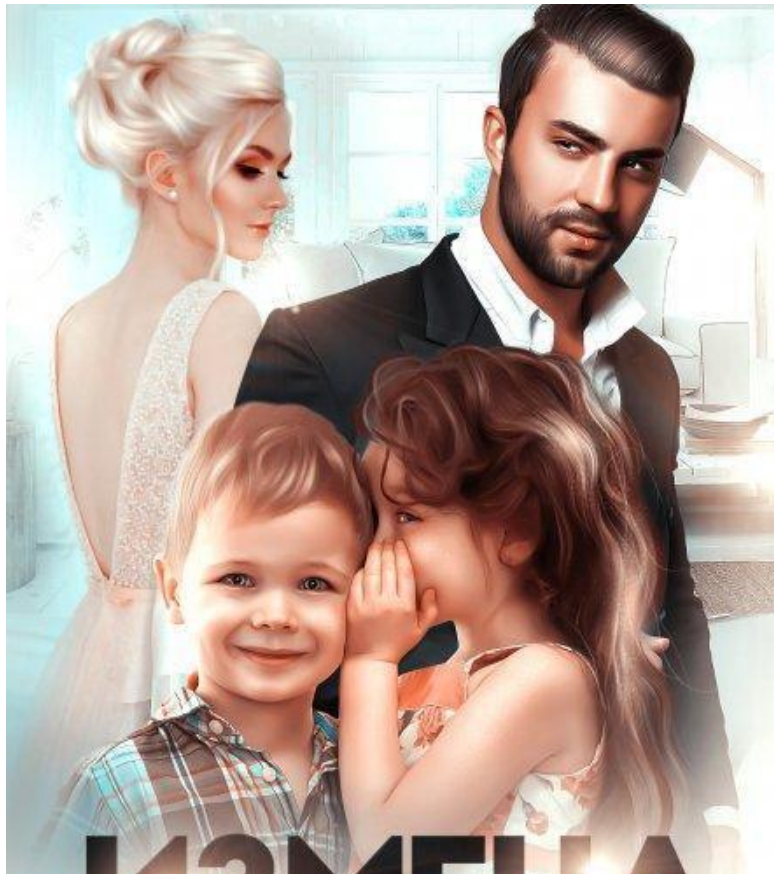

ИЗМЕНА

НАЙДУ ТЕБЯ ПАПА

МАРИНА БОЙКО

Марина Владимировна-Бойко

Измена. Найду тебя, папа

<https://litres.ru/74238339>

Аннотация

- Папочка! Забери нас, пожалуйста. Мы с сестричкой так скучаем.

- Это какая-то ошибка, - растерянно смотрю на детей. Впервые вижу их. Почему они называют меня своим отцом? Их папа кто-то другой, но точно не я.

- Мы видели тебя на фотографиях, нам бабушка показывала. Вы там такие красивые с мамой, - не умолкают они.

Вскидываю бровь. Любопытно...

- И где же сейчас ваша мама?

- Она в беде. Ей нужна твоя помощь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	57
Глава 12	61
Глава 13	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Пролог

- Раевская Наталья Дмитриевна приговаривается к четырем годам лишения свободы колонии строгого режима, - говорит строгий голос судьи и ее слова обрушиваются, как раскаты грома. А потом отчетливый стук молотка. Один удар, другой. Этот глухой стук эхом отдается в моей голове. Сердце екает, вырывается из груди. Жадно глотаю воздух и не верю в происходящее. Не верю... Это все неправда, это все происходит не со мной. Эта какая-то ошибка, вымысел.

О чем я думала, когда зачитывали приговор? Я думала, как дальше с этим жить. Четыре года! Четыре! Целая вечность для меня, хотя бы потому что я не смогу увидеть своих детей. Не смогу обнять, поцеловать, так сильно прижать их груди. И эта мысль убивала, разрушала мой внутренний мир, как атомная бомба.

Прикрываю веки, полностью погружаюсь в темноту. В ту самую безысходность, в которой сейчас оказалась. Почему его нет в зале суда? Почему адвокат даже не пытался задавать вопросы, строить какую-либо линию защиты? Ничего не понимаю, не верю в происходящее, не хочу верить.

Не знаю что делать дальше? Ждать, верить, надеяться? На что надеяться... На что?

Покидаю зал заседания. Присутствующие смотрят мне вслед, шепчутся между собой. Мать погибшей девушки в

черном платке вытирает платком слезы и проклиная меня при всех:

- Ты! Ты ее убила! - презренно смотря, тычет в меня пальцем.

Опускаю взгляд в пол и боюсь смотреть ей в глаза, хотя я ни в чем не виновата не перед ней, не перед всеми, кто сегодня собрался в зале суда.

- Лицом к стене, руки за спину, - и снова грубый женский голос за моей спиной. На меня надевают наручники, затем выводят из зала заседания, ведут по длинному коридору.

- Пошла быстрее! - толкают в спину и я ускоряю шаг.

Стараюсь идти, но ноги подкашиваются, становятся ватными. Не оглядываясь, держу руки за спиной и мне хочется кусать губы в кровь, особенно когда вижу своих детей.

- Мама! Мамочка! – закричали они, когда меня вывели из зала суда.

Тут же рывком бросаюсь к ним, но чья-то сильная рука дергает сзади. Не удерживаю равновесие и падаю на колени.

- Мамочка! Все будет хорошо. Мы узнавали! - раздаются их миленькие голосочки.

Мои родненькие, мои очаровательные ромашки. Рома и Машенька. Они стоят в дальнем углу, смотрят на меня своими выразительными глазками, рядом с ними какая-то женщина. Вижу ее впервые. Кто она? А где же он? Почему его нет рядом с нами?

Они разрешили подойти к детям. Провожу ладонью по их

бархатистым щечкам и сердце обливается слезами. Крошечки мои...

- Мама скоро вернется, просто нужно немножко потерпеть. Мы снова пойдем в парк, будем долго гулять и кататься на каруселях.

- А еще кормить уточек, - подтверждает сын.

- Обязательно! - так хочу их крепко обнять, но не могу...

Кисти моих рук сдавливают наручники.

- Мы знаем, мамочка, потому что ты у нас самая лучшая,

- Машенька улыбается и милые ямочки на ее щеках становятся еще выразительнее.

- Мамочка! Мы скучаем за тобой. Мы хотим, чтобы ты вернулась домой.

- Я скоро вернусь. Совсем скоро...

- Ну все пошли, - и снова этот злобный голос, и снова меня толкают в спину.

Уводят, я несколько раз оборачиваюсь. Дети не плачут, только смотрят мне вслед, тянут ко мне свои тонкие руки.

- Мамочка! Мамочка..., - я продолжаю слышать их голоса. Это мой конец света. Мой Апокалипсис души.

Я шла, прощалась со своей прошлой жизнью, а в душе еще тлел огонек надежды, что еще не все потеряно, что все может измениться в последний момент.

Меня ведут в камеру. Четыре кровати, проржавевшая раковина, маленькое окошко в клеточку, через которое едва пробиваются солнечные лучи. А еще небольшой деревянный

стол на котором хаотично расставлены алюминиевые чашки с крепкой, почти ядовитой заваркой.

Когда железная дверь за мной закрылась, медленно подхожу, сажусь на скрипучую кровать.

- О! Гляньте-ка! - над моей койкой нависает рыжеволосая женщина с тонко выщипанными бровями, вытянутым лицом. Щурит лисьи глаза. Вот-вот и набросится, такой только дай повод. - Проводница наша вернулась. Ту-ту приехали дорогуша, - она показывает свои неровные, желтые зубы, а затем раздается ее залиvistый смех.

- Не трогай ее, сколько раз тебе говорила.

К нам подходит крупная женщина, пихает рыжеволосую в бок так, что та отлетает в другой конец камеры и умолкает. Садится напротив меня, сложив руки на коленях и широко расставив ноги.

На ней спортивные синие штаны, свободная серая майка, волосы коротко подстрижены. Смотрит на меня большими серыми глазами, крутит в руках пачку из-под сигарет.

- Видок у тебя конечно. Мягко сказать: дерьмовый.

- Они детей привели.

- Это они умеют. Давить на больной мозоль. Сколько дали? - у нее спокойный, размеренный голос. Будто она спрашивает: "Привет, как дела? Какие планы на вечер". А у меня сердце рвется на части. Стук судебного молотка, дети и эти бесконечные удары в спину.

- Четыре года, - нервно сглатываю.

- Нормально ещё так отделалась. Ну ты не дрейфь, не истери. А то опять в карцер попадешь. Подавай апелляцию. Вариант конечно гнилой, но у тебя дети, может прокатит. И как тебя сюда занесло? Интеллигенция твою дивизию.

- Попутным ветром.

- Ты мне не язви. Давай лучше выкладывай, что там у тебя произошло.

- Зачем? Это уже не имеет никакого значения.

- Зачем, зачем. За шкафом. Женское любопытство, слышала? Так что давай колись, тем более я не прокурор и мы не на допросе.

- А вы поверите?

- Поверю, - твердо произносит. Ой девка, я за свою жизнь такого навидалась, - она сплюнула на серый пол.

Я повернула голову к окну, задумчиво смотрю на решетки, через которые виднеется синие-синие, как ультрамарин небо.

Если бы мне еще несколько месяцев назад рассказали, как изменится моя жизнь - ни за что не поверила. Громко и безумно рассмеялась. Подняла бы свой желтый флажок и мой поезд "Москва-Нижевартовск" помчался быстрой стрелой. Подумала, что эта глупая и слишком неудачная шутка. Но это далеко не так. И сейчас эта рослая женщина, сидящая передо мной права. Мне уже нечего терять.

Глубоко выдыхаю, перевожу взгляд на нее и начинаю свой рассказ.

- Мой муж. Он... Он говорил, что все будет иначе.

Дорогие читательницы!

Добро пожаловать в мою новинку!

Чтобы не потерять книгу добавьте ее в библиотеку.

Буду благодарна вам за лайк (звездочку) на главной странице книги.

<https://litnet.com/shrt/VglJ>

Глава 1

Скорый поезд номер 642 в направлении «Москва-Нижевартовск» прибывал на второй путь. Уставшие пассажиры гремели чемоданами, толпились в тамбуре, загромождали проход. Некоторые из них переминались с ноги на ногу, в ожидании последней, заключительной части своей поездки. А некоторые под успокаивающий стук колес, продолжали смотреть в окно. Как мелькают монотонные пейзажи, как один город сменяет другой, как жарко светит солнце, как ветер гонит по небу седые облака.

Это хорошо. С прибытием домой меня встречает теплая весенняя погода. Обычно когда я приезжаю из рейса, причем в любое время года - всегда сыро или льет дождь. Даже не знаю почему так. Роковое совпадение, постоянно преследующее меня. А в этот раз все иначе.

Во всяком случае, это лучше чем сумасшедшие морозы в Нижневартовске. Когда утопаешь в снегу, когда толстым слоем инея покрываются брови, ресницы, когда ледяной ветер пронизывает до самых костей.

На самом деле, не люблю холод. Моя напарница шутит: «Лучше сохранимся», но все же. Когда на календаре разгар весны, все цветет и пахнет, а ты в шубе и замотана теплым шарфом по самое «не хочу» - не особо радостно. Создается такое впечатление, что зима не закончится никогда.

Меня не было дома долгих три дня, я ужасно соскучилась за мужем Лешкой, за своими очаровашками Ромой и Машенькой, хоть созваниваюсь с ними каждый час. Знаю, что на обед им давали в садике, какую сказку читала им бабушка, во сколько они легли спать. И каждый раз я все равно волн, переживала и очень-очень сильно скучала.

Как обычно везу им подарки. Когда еду в поезд, мой муж Лешка, а точнее Алексей Геннадиевич Раевский постоянно просит ему привезти рыболовные снасти. Он бредит рыбалкой. Крючки, снасти, силиконовые приманки, блесны - никогда не понимала этот вид спорта, но после знакомства с мужем - даже стала разбираться: чем отличается спиннинг от поплавковой удочки.

Для детишек покупаю сувениры. У нас традиция. Мама должна привезти магнитик, который они обязательно нацепят на холодильник.

На одной из станции захожу в сувенирную лавку. Русские матрешки, деревянные ложки, резные фигурки, брелки, глиняные горшочки, статуэтки, подсвечники, янтарные бусы мини-копилки и легкий запах свежей древесины, который всегда преследует меня, когда я посещаю такие магазинчики. Столько всего, что разбегаются глаза. Покупаю небольшой сувенирчик, который обязательно напомнит мне об этом городе.

И вот последний пассажир покидает вагон, сдаю смену и наконец-то могу поехать домой. Стянуть форму, переодеть-

ся в повседневку, крепко обнять детей и сказать как сильно я их люблю.

Лешка задерживается. Стою с сумками на перроне, постоянно поглядывая в сторону шумного вокзала. Звоню ему, не берет трубку. А после долгие гудки сменяются на женский голос со стандартной фразой: “Абонент временно недоступен”.

Наверное, что-то случилось. И от это мысли сердце гулко забилося в груди. Тысяча и одна негативная мысль тут же всплывает в моей голове. Забыл? Пропал? А может пробки? Я набрала его номер, еще несколько раз, но все тщетно. Абонент не абонент. С Казанского вокзала до дома, почти час в пути. Но ничего, доберемся. Главное, чтобы ничего не случилось. Главное, чтобы с моей семьей все было хорошо.

Глава 2

Я медленно зашагала по перрону, волоча сумки за собой.

Конечно, в такой ситуации мысли вертелись разные. Нет, Леша обязательно сказал, чтобы не случилось. Обычно мы всегда решаем все проблемы вместе. Когда он приходит с работы все рассказывает. К примеру, как какой-то неприятный тип специально проколол ему колесо и по этой самой причине ему пришлось до самого утра искать запаску. Или когда отправился на рыбалку, машина заглохла на пол пути и пришлось задержаться еще на одни сутки. Но чтобы не произошло – он всегда позвонит, объяснит, успокоит.

- Девушка! Давайте помогу! – слышу до боли знакомый голос за спиной.

Оборачиваюсь. Это Лешка. Мой дорогой муж идет навстречу мне широко улыбаясь. Выпускаю из рук сумки и, расправив руки бегу к нему. Несусь сломя голову, словно не видела его целую вечность. Поток свежего ветра ударяет в лицо, развивая волосы, а сердце бьется все сильнее и сильнее. Как на первом нашем свидании, когда он едва коснулся моей руки и я почувствовала его холодные пальцы.

- Лешка! – бросаюсь к нему на плечи, крепко обнимаю, целую в гладковыбритую щеку. Какая это радость снова видеть его, крепко прижимаясь к его груди.

Он подхватывает меня на руки, отрывает от земли и кру-

жит в воздухе.

Улыбаюсь, смеюсь, шурюсь от косых солнечных лучей, которые падают на лицо, светят в глаза, совершенно не замечаю прохожих. Не замечаю никого кроме него и мой игривый смех разносится эхом по перрону.

- Я соскучился. Целует в губы. Я чувствую его терпкий запах парфюма с легким шлейфом сандалового дерева. «Савояж» - я дарила ему их на Новый год. Обожаю эти духи, обожаю своего мужа.

Он идет к машине уверенной, размашистой походкой. Высокий рост, широкие плечи. Каштановые волосы слегка взъерошены, карие глаза блестят, белоснежная улыбка, идеально-ровные зубы и эта ямочка на подбородке заметна, как никогда. Мой Лешка... Только мой! Так рада. Что у нас самая дружная семья.

- Я думала ты уже не приедешь.

- Пробки! Не знал куда машину припарковать. Ни одного свободного места, еле втиснулся. Такое ощущение, что все решили уехать. И это решение принимали единогласно.

- Так тепло, уже весна, уезжают на дачу.

Закидывает сумки на заднее сиденье, садится за руль. Несколько раз хлопает дверью советского авто, затем пытается завести машину.

- Чертова тарантайка! – громко высказывается, бьет по рулю. Машина дергается взад-вперед и глохнет. Лешка сердито выдыхает, раздувая ноздри.

- Давно говорил, что нужно новую купить!

«Пока такой возможности нет», - хотела ответить и промолчала.

- Как там дети? – перевожу тему для разговора.

- У твоей мамы.

- Ты отвез их до мамы?

- Да, было много заказов.

- Ты же говорил, что заказов не много?

- Было мало, стало много, - его голос грубеет, выражение лица меняется, становится мрачным, каменным.

Наконец-то машина заводится. Поворачиваю голову к окну, смотрю, как мы выезжаем с парковки, как светофоры зажигаются зелеными огнями.

Кажется, что тут что-то не сходится. Но Лешка - он всегда не может лгать. Просто не может...

Глава 3

Я стояла возле открытых дверей и украдкой наблюдала за детьми. Они сидели с моей мамой на диване, рассматривали фотографии в нашем семейном фотоальбоме.

- Бабушка, а кто этот дядя? – любопытничает Ромка и указывает маленьким пальчиком на одну из фото.

- Это дядя..., - моя мама запнулась. Затем приспустила очки и покачала седой головой. Его зовут Константин. Они учились вместе, с твоей мамой, - объясняет она.

- В школе учились? – интересуется Маша, которая сидела рядом и смущенно теребила аккуратно заплетенную косичку.

- Не совсем. В институте.

- Он ростом почти, как наш папа, - удивляется Ромка.

- Да, возможно, - отвечает она без тени улыбки.

Захожу в комнату, дети переводят взгляды на меня и восторженно встречают.

- Мама! Мамочка! Ты приехала! Ура-а-а-а!

Несутся ко мне со всех ног, крепко обнимают за шею. Как же тяжела разлука с моими любимками. Целовать не нацеловаться, обнимать не наобниматься. Такие родные, такие ненаглядные и самые любимые.

Провожу ладонью по их шелковистым волосам, по бархатистым щечкам. Они жизнерадостно улыбаются, показывая

свои белые, молочные зубки.

Все же Ромчик больше похож на своего отца, а Машуля - на меня. У нее светлые волосы, большие глаза, густые, длинные ресницы курносый нос, пухленькие щеки и очень озорной смех.

Машуля очень общительна. Сколько раз я говорила ей - нельзя подходить к чужим тетям и дядям, но с ней - это сложно. Когда мы в торговом центре или просто на прогулке, она обязательно ответит, как ее зовут. Причем расскажет еще кучу ненужной информации: как папа спрятал ее планшет, потому что она слишком много смотрит мультики, как мама готовила яблочный пирог и постирала ее любимую плюшевую игрушку.

Ромашек (иногда я так называю сынишку) немного ниже ростом Маши. У него круглое личико, серые глаза, курносый нос, который покрыт едва заметными конопушками. Он хорошо физически развит, ходит в секцию по хоккею. Моя мама говорит, что Рома - будущая звезда хоккейной Лиги, но он скромничает и просто, так по-детски отвечает, что очень любит спорт.

С одной стороны мои очаровашки такие разные, а с другой так похожи. Вместе засыпают, вместе собирают игрушки, любят слушать перед сном сказки про рыцарей и принцесс.

- Мамочка! Мамочка мы так тебя ждали!

- И я. Очень-очень сильно скучала за вами, - целую их в макушки и крепче прижимаю к груди.

- Мамочка, смотри! – Бабушка разрешила мне накрасить ногти, - Машуля выставляет свою хрупкую кисть руки вперед. Наблюдаю ядовито-красный лак на ее ногтях и отрицательно качаю головой.

- Ваша бабушка слишком к вам добра.

Моя мама – Нина Борисовна, в бывшем педагог, учитель музыки, в настоящем – пенсионерка-садовод поправляет кружевной платок, накинутый на худые, слегка сутулые плечи, подходит ближе к нам. Снимает очки, легко улыбается и ее морщинки на лбу становятся более заметными.

- А пойдемте-ка к столу! – она расправляет руки. - Я оладушек напекла.

- Со сметаной, - подтверждает Рома.

Обожаю мамины оладьи.

- Конечно, пойдем! Тем более я вам кое-что привезла.

- Ура! Ура! Подарки! – снова закричали они и наперегонки побежали на кухню.

Проходим на кухню. Круглый стол, светлые занавески, белоснежная скатерть, приготовленные заранее чистые тарелки. У мамы на кухне всегда царит порядок и пахнет вкусно. Пышными оладушками со сметаной или ароматным картофельным пюре с мясными котлетами. Я обожаю, как она готовит. Мои ромашки-очаровашки тоже в восторге, это при том, что дома, в нашей обычной обстановке заставить их обедать – проблематично. Эта постоянная фраза: “Мама я не голодный” или “Мамочка я потом поем”. С бабушкой так не

получится. С бабушкой съедают все и еще просят добавки.

- Дети. Всегда тебя так ждут, - прерывает мои мысли мама.
- Да, знаю. А как твое давление?
- Все хорошо дочка, все хорошо, - она суетится, я помогаю накрыть ей на стол.

- А твой-то муж опять где?
- На работу поехал.
- Как говорят мои ученики: «дома его не нарисуешь». Же-на только приехала, а он уехал.

Не готова обсуждать с мамой эту тему, хотя бы по той самой причине, что она всегда относилась к Лешке категорично. До сих пор считает, что он мне не пара. Помню, как она говорила, что не придет на нашу свадьбу, как пыталась отговорить меня стать его женой. А потом сменила гнев на милость, сказав: «Я вижу ты его любишь. А я люблю тебя моя дорогая дочь». После чего вопрос был закрыт. Казалось, что навсегда. Иногда в ее словах проскальзывала та самая неприязнь к Лешке, к примеру, как сейчас.

Вечерним автобусом мы вернулись домой. Я снова несколько раз звонила мужу, а он не отвечал.

Набирала его номер телефона еще и еще. И когда мы добрались домой и когда уложила детей в их теплые кровати - не находила себе места. Вздрагивала от каждого стука, от каждого шороха, доносящегося с лестничной площадки.

А затем стрелки часов показали полночь - полил дождь. Большие капли отбивали свой ритм по наружному подокон-

нику и стекали большими каплями по стеклам.

Я подходила к окну, пыталась разглядеть ночной город через серую пелену дождя. Хотела увидеть, как зажигаются миллионы огней вдоль Набережной, как пустеют улицы, и как мчатся на полной скорости машины, освещая фарами скользкую от дождя дорогу, хотела увидеть как заходит в подъезд мой муж.

Леша появился на пороге далеко за полночь в насквозь промокшей куртке. Я не спала, просто не смогла сомкнуть глаз.

Его волосы взъерошены, взгляд встревожен. Стоит на пороге, смотрит исподлобья.

Я прикрываю рот ладонью. Что-то произошло. Что-то случилось. С ним, с нами, с нашей семьей.

Глава 4

Костя

Я не был идеальным ребенком. Маменькиным сынком или отцовским любимчиком. Трудным, проблемным – каждый считал по-разному. К примеру моя мать всегда говорила, что я маленький озлобленный циник. Отец – напротив, считал, что я самый мужественный в нашей чудаковатый семье. Я не знал, кто именно из них прав, но их мнения определенно расходились.

Я был третьим ребенком в семье, младший из трех братьев. Родился, когда мои родители очередной раз разводились. Причем, мой отец не присутствовал на моем рождении. Перед самыми родами он позвонил моей матери и сказал: «Называй его, как хочешь, только не Костя» и мать назвала меня Костей. В итоге, когда я вырос, мне казалось, что она делала все ему на зло. Когда он приходил с работы уставшим, бросал свой кожаный портфель на диван, сам садился на стол и требовал большую порцию горячего, моя мать подставляла ему тарелку, при этом твердила: “Да когда ты уже нажрешься!”.

Отец бил кулаком по столу, тем самым переворачивая тарелку с супом и набрасывался на мать с такими же аргументами: «Ты дряхлая, тощая курица, дай хоть после работы спокойно пожрать!». Они ругались. Сильно, жестко, до седь-

мого пота, а затем вымотанные очередной руганью засыпали в одной постели.

Я не был похож на своих родителей. Не знаю на кого я был похож, скорее всего сам на себя.

Я играл в футбол, мечтал стать футболистом, несмотря на то, что получал лишь одни красные карточки. А затем, когда увидел, как избивают (точнее топят в грязной луже) светловолосую девчонку трое здоровенных парней – окончательно завязал с футболом и решил, что стану адвокатом. Конечно, перед тем как было принято это решение – эти три громилы вдвое старше меня - нехило навалили мне, не смотря на то, что я сражался как мог. Схватил железный прут, и размахивал перед ними, как ударно-дробящей булавой. Я смотрел, в глаза каждого, как волк. Скалил зубы, замахивался в каждого из них, кто смел, хоть приблизиться ко мне и к этой светловолосой, которую я уже успел достать из лужи.

Это единственная мечта детства, которая сбылась. Я стал адвокатом. Успешным адвокатом, которого не особо любят прокуроры, да я и не новогодняя елка на Тверской, чтобы всем нравится.

Для меня все должно быть правдой. Дружба – преданной, любовь – настоящей, отношения – искренними. Это относится к Еве. Для меня она больше, чем женщина. Она мой друг, партнер, любовница. Она смысл моей жизни, будущая мать моих детей. Я хочу ее. Хочу думать, вспоминать, представлять. Ее шикарную белоснежную улыбку. Ее золотые локо-

ны, которые мягко падают ей на плечи, ее грудь, точеную фигуру.

И сегодня утром, она хороша, как никогда.

- Доброе утро любимый! – шепчет мне на ухо.

Я сонно потер глаза и перевел взгляд на нее.

- Доброе утро! - потянулся к ней. Поцеловал нежно в губы и сильнее прижал к себе.

Она ловко вырвалась из моих объятий. Отбросив в сторону одеяло, вынырнула из теплой постели и в своих кружевных трусиках, лёгкой походкой кошки подошла к окну. Сняла со спинки стула, аккуратно висящий халат, накинула его на свои хрупкие плечи.

Не перестаю восхищаться ей. Изыщна, грациозна. Не идет, а словно парит в воздухе. Легкая, утонченная и моя. Моя Ева.

- Позавтракаешь со мной? – приподнимаюсь на локте, продолжаю смотреть на нее. Как она стоит перед зеркалом, подводит губы, натягивает на свои стройные, длинные ножки кружевные чулки.

- У меня встреча, а потом репетиция. Сегодня буду поздно.

- Я встречу.

- Ненужно, возьму такси.

Встаю с кровати, подхожу ближе к ней. Становлюсь напротив, заглядываю в глаза и заправляю ее светлый локон за ухо.

- Разве я не могу приехать за любимой девушкой и забрать ее после репетиции?

Она легко целует меня в щеку.

- Можешь, но в другой раз.

- Почему?

- Может, я хочу устроить для тебя сюрприз. Ты помнишь, что у нас небольшой юбилей. Три года вместе.

- Закажу ужин в ресторане. Как насчет вкусного шоколадного торта?

Она бархатисто рассмеялась.

- Тогда я потолстею и меня исключат из труппы.

- Ты настолько талантливая балерина, что даже если ты наберешь пару лишних килограмм - это никогда не произойдет.

- Я уже обо всем уже позаботилась, - кладет руки мне на плечи, тянется к моим губам. Я чувствую тонкий запах ирисов, исходящий от ее волос и целую ее в шею. Затем подхватываю на руки, несу обратно в кровать.

- Прекрати! Я опоздаю, - заливисто смеется. Снова касаюсь ее белоснежной, фарфоровой кожи и снова колкие мурашки пробегают волной по моему телу.

Ева опоздала. Написала мне смс, сразу доехала до театра.

Надеваю строгий темно-синий костюм идеально-белую (до самого хруста) рубашку. Мой водитель заезжает за мной ровно в девять. Терпеть не могу когда опаздывают и он об этом знает.

Включаюсь в работу сразу же, как переступаю порог своего кабинета. Строго, стильного, оформлено в светло-серых тонах. Дизайнер говорит, что это стиль лофт. Удобный, концептуальный, уютный. Включаю ноут, сажусь за стол, чтобы ознакомиться с новым делом, как в мой кабинет влетает Марк. Он всегда входит без стука и это ужасно раздражает.

Марк... Высокий брюнет с голубыми глазами и телосложением почти как у Швейцарца, мой лучший друг и дознаватель. Живет по принципу: "Кто владеет информацией - владеет миром", но пока этот принцип в жизни ему не сильно помог.

– Кстати, Лукьянов убийца этот и живодер уже перечислил полмиллиона. Хотя защищать такую скотину..., - он усаживается в кресло и закидывает ногу за ногу.

– Он убил свою жену, тут к гадалке не ходи. Убил, а потом выкинул с восьмого этажа.

– Нам нужно доказать обратное. В суде, - подтверждаю я.

– А с тобой шутки плохи, - он наставляет на меня указательный палец. – Но попробовать можно, тем более деньги он платит хорошие.

– Я его адвокат. Он - мой клиент. Он платит - я защищаю. Проигрышное дело - минус к моей репутации. А скотина он или редкостный козел - это уже другой вопрос, скорей всего к полиции нравов, психотерапевтам. В общем, к кому угодно только не ко мне.

Марк закивал, ослабил галстук и вместе со мной погрузился в новое дело.

И работа кипит. Не замечаю, как выпиваю третью чашку кофе, затем еду в следственный комитет, затем снова приезжаю в офис. Я возвращаюсь в свою обычную реальность, когда над городом сгустились тучи и зажигались фонари. Наступал поздний вечер, а она все не звонила и не звонила. Ева. После десяти я постоянно крутил мобильник в руке и набрал ее только ближе к одиннадцати. Она не отвечала. Один, раз, второй, а затем звонки стали недоступными. “Абонент не может принять ваш звонок”, - раздавалось на том конце провода. Уже полночь, а в ответ тишина. Это казалось мне не просто странным. Это казалось мне невозможным.

А потом позвонил Марк:

– Кос, лучше я тебе об этом скажу, - он говорил таким поникшим тоном. Я знал, этот тон, он говорил, так когда у его жены случился выкидыш на позднем сроке, когда мои родители погибли. - Мужайся, - продолжил он. - Ева попала в аварию. Смерть наступила мгновенно.

Глава 5

Он стоял на пороге опустив голову вниз, с его волос стекала дождевая вода. Он сжимал свои большие ладони в кулаки и безропотно молчал.

- Лешка, милый! - на нем же лица нет. Меня пробирает до дрожи в теле и это гадкое чувство, что что-то случилось - не покидает душу.

Он продолжает молчать, а я продолжаю преданно заглядывать ему в глаза. Сложно что-то скрыть, когда вы вместе прожили под одной крышей почти семь лет. Это не много и немало, но за это время ты можешь изучить все его привычки. Знаешь, что он любит по утрам только горячий кофе с одной ложкой сахара, знаешь, что он не ест еду, разогретую в микроволновке и что свои носки кладет возле стиральной машинки. Терпеть не может есть вилкой, цитируя фразу: “Вилка один удар четыре дырки”.

Снимает обувь, проходит на кухню, на нашу уютную кухню с розовыми занавесками. Мы только недавно заказывали кухонный гарнитур бледно-персикового оттенка, и как оказалось для размеров нашей маленькой кухни сделать это не так просто.

Он не включает свет, подходит к холодильнику, затем разворачивается к круглому столу. Я следую за ним по пятам, словно его вторая тень.

- Лешик, дорогой... - не знаю с чего именно начать разговор.

- Что ты хочешь? – он резко отвечает, поворачиваясь ко мне лицом. Мне кажется, что в полумночных сумерках, при свете полной луны его глаза еще больше наливаются яростью. Он напряжен. Сжимает ладони в кулаки, смотрит на меня, стиснув зубы.

Испуганно смотрю на него, я словно становлюсь ниже ростом.

На самом деле мы редко ругаемся, я в основном я стараюсь сгладить углы. Даже если в нашем разговоре возникают острые моменты - не цепляюсь за слова. Всегда можно найти компромисс. Аргумент, который устроит нас обоих. Хотя бы по той самой причине, потому что мы – семья. И я люблю своего мужа, а любовь – это когда ты для него все, когда он для тебя - бесконечность.

Он не такой. Просто на работе у него что-то не получилось. Испортили настроение, он очень устал, промок под проливным дождем. Да-да он много работает, устает и я в таком случае я должна его поддержать, а не вот это все... Лешка он же моя семья. Мой мир, моя маленькая Вселенная.

В один момент меняет выражение лица. Теперь хмурит брови, смотрит исподлобья.

- Машину в хлам разбил, а ты прицепилась, - отвечает сухо.

- Как? – спрашиваю и чувствую, как меня накрывает волна

смятения, волнения и непонятных чувств. Стараюсь успокоиться. Ему сейчас больнее, ему сейчас так нужна поддержка.

– С тобой все в порядке? Ты цел? – провожу рукой по его колючей щеке. Он убирает мою ладонь, поворачивается к окну, заложив руки в карманы своих брюк. Молчит. И это молчание так угнетает.

- Что происходит, Леш? Такое ощущение, что он мне не договаривает, что-то очень важное.

- Ладно, все я в душ и спать, - снимает куртку, бросает ее на пол и уверенным шагом выходит из кухни, громко хлопнул за собой дверью. И в один момент повеяло холодом, будто сильный сквозняк ворвался в комнату вместе с равнодушием и пустотой.

Подняла его кожанку. Прижала в груди. Еще теплая, с запахом весеннего дождя и его духов. Мой дорогой Лешенька, главное, чтобы с тобой все было в порядке, а машина... Да черт с этой машиной!

Он выходит из душа в своем махровом халате, когда я продолжаю сидеть на кухне в ночных сумерках и смотреть в окно. В такой ситуации сложно заснуть. Когда тысяча и одна мысль одолевает тебя. Что произошло? Может ему нужна помощь?

– Прости, я был груб. Сам не свой, после этой аварии, - снова раздается его голос.

Перевожу взгляд на него. Его влажные волосы взъерошены. Он босыми ногами ступает по полу, делая шаг за шагом,

подходит ближе ко мне.

– Леш, чем я могу тебе помочь, ты только скажи...

– Понимаешь, моя работа для меня все. А теперь после этой аварии у меня точно права заберут. Я же водила, - он разводит руками, повышает тон. - Я только что и умею, так это крутить баранку. Вот если бы ты... Ты сказала, что была за рулём.

– Я? - округляю глаза и не могу смотреть на него без удивления.

– Ты можешь это сделать? Ради нас? Ради своей семьи – начинает целовать мои ладони, прижимая их к своим теплым губам. Чувствую, как дрожит его голос, как бьют по сердцу слова.

Он прав, ради своей семьи я готова на все.

– Тем более так будет проще. Машина зарегистрирована на тебя. Просто нужно сказать... Сказать, что сегодня вечером ты была за рулем. У тебя рекомендации, положительные характеристики. Тебе ничего не будет, ты веришь мне?

Я нерешительно, но киваю, а затем прикрываю глаза и глубоко выдыхаю. Как сложно лгать самой себе.

– Маленькая ложь, во имя большого добра, - он словно читает мои мысли. - Тем более эта авария – случайность. Я врезался в столб, машина всмятку. Я оставил ее там. Меня никто не видел.

Между нами повисло молчание. Затаилась такая тишина, что я слышала, как бьет его сердце, почти выпрыгивает из

груди.

- А помнишь, как мы мечтали? Повезти летом детей на море. Пить апельсиновый сок, слушать шум пенных волн и крик чаек. Встречать рассветы и провожать закаты. Помнишь, как были счастливы в наш медовый месяц, когда ездили в Коктебель? Все будет, как прежде. Только ты, я и наши дети. Очаровательные двойняшки. Ты же любишь нас?

- Да, очень люблю! – после моих слов порывистый ветер врывается в открытое окно и развивает занавески, как белый парус корабля. – Как же сильно я вас люблю!

Снова подхожу к нему кладу руки ему плечи и так мы замираем. Мгновение, еще одно. Он внимательно смотрит на меня, скользит взглядом, хмурит брови. Я вглядываюсь в его лицо, замечаю небольшой бугорок на переносице и вспоминаю наше знакомство. Тогда ему сломали нос, когда он заступился за меня. Тогда в темном переулке на меня напали двое. Он раскидал их, как раскидывают футбольные мячики по полю и проводил до самого подъезда. И я влюбилась в него с первого взгляда.

- Все у нас будет хорошо, моя милая, все будет хорошо, - утешает меня. – Так будет лучше для всех нас. Мы же семья. Друг за друга горой.

- Да, - почти шепчу, прижимаясь к его сильной груди. - Так дорожу вами. Вы все, что есть у меня. - Возможно ты прав, так будет лучше. Ты сможешь и дальше работать водителем, у тебя не отберут права.

- Конечно милая. Это просто формальность. Ты веришь мне? – чувствую, как его руки касаются моей спины. Он проводит ладонью вдоль позвоночника, затем склоняется над мной, целует в шею.

- Верю любимый, - говорю с придыханием. – Я так верю тебе.

- Мы всегда будем вместе. Просто скажи, что в тот день ты была за рулём. Просто скажи: «да». Ради нас, наших детей и светлого будущего.

Глава 6

Не помню сколько мы простояли вот так. Время потеряло всякий смысл. Потому что он здесь, он рядом, он со мной. Я обнимала его, поднималась на носочки, чтобы дотянуться до его горячих губ и чувствовала, как ветер дул мне в спину.

- Я все тебе расскажу, - вкрадчиво шептал Леша, крепче прижимая меня к себе. – Мы должны вместе говорить так, чтобы не было сомнений, – резко ответил он.

Быстро закивала в темноте. Не смотря ни на что я верю ему. Я так сильно, так преданно верю, что хочется отрицать самой себе. Мне сложно понять, как можно не верить человеку, который стал тебе родным.

С первыми лучами солнца ты просыпаешься с ним в одной постели, готовишь завтрак, затем целуешь его в колючую щеку и каждый раз говоришь: «Доброе утро, любимый». Казалось семь лет – это не много, но и не мало. И наше первое знакомство, я всегда так отчетливо помню, будто это произошло только вчера.

Но самое главное, что с ним ничего не случилось. Он цел и невредим. Не знаю, как бы я это все перенесла, даже подумать страшно. Вспоминаю, как однажды, Лешка попал в больницу с приступом аппендицита, я себе места не находила. Постоянно дежурила у дверей больницы, так как к нему не пускали, отделение было закрыто на карантин.

Иногда мне казалось, что у нас идеальная образцово-показательная семья. Точнее именно так говорят о нас соседи. Говорят, что мы красивая пара и так подходим друг к другу. В один голос утверждают, что с нашей семьи можно брать пример и как бы я хотела, чтобы когда-то так сказала моя мама. Но вряд ли, при одном упоминании о нем, ее выражение лица тут же меняется. Алексей для нее, как сезонная аллергия, как что-то ненужное, бурьян, растущий на ее дачном участке. Я никогда не знала, что такое ненависть к близкому, никогда не думала, что моя мать может ненавидеть, но когда я говорю о муже и смотрю в ее лучистые глаза – вижу в их отражении не только себя, я вижу в них ярость.

Наверное, ему в этом плане сложно, мне напротив - легче. Моя свекровь живет в тысячи километров от нас, звонит редко, в гости приезжает еще реже.

Иногда задумываешься, почему с мужем можем болтать часами? Почему у нас столько общего. Он как и я пьет только пастеризованное молоко, любит на ужин, (собственно, как и я) запеченную рыбу и обожает сорт яблок фуджи, (когда я ждала своих двойняшек я ела их килограммами), поздно ложится и тяжело встает по утрам. Он не курит, редко пьет пиво и почти не смотрит футбол. Мы вместе смотрим хоккей, дружно болеем за СКА.

- Хорошо, - тихо шептала я. – Я скажу. Ты прав, так будет лучше для нашей семьи.

Лешка выдохнул. Внезапно его губы сомкнулись с моими.

Он жадно меня целовал, торопливо расстегивал пуговицы моего халата.

- Дети спят, - все также тихо отвечаю, но казалось, он меня не слышал, а я больше не сопротивлялась.

Дети подъем! Пора в сад.

Мои милые совята сонно потирают глазки.

- Уже утро, мамочка? – первой обычно просыпается Маша. Неохотно встает со своей кровати, сладко зевает. Будит брата, который спит так крепко, что ни один будильник его не поднимет.

- Соня номер два вставай, - цитирует своего отца.

- Я не номер два, - бурчит Ромчик и переворачивается на другой бок.

А потом в дверь позвонили и я побежала открывать.

На лестничной площадке стояли двое мужчин. С серьезными, каменными лицами, в серых пиджаках, они смотрели на меня всепоглощающим взглядом.

- Раевская Наталья Дмитриевна? – спросил один из них и достал из внутреннего кармана удостоверение полицейского.

- Да, это я, - растерянно произношу.

- Нам нужно задать вам несколько вопросов.

- Конечно, задавайте, - продолжаю стоять на пороге и внимательно смотреть на них.

Глава 7

Они спрашивали. Задавали вопросы четко, быстро и по делу. А я нервничала, чувствовала, как мои колени немного подрагивают.

- Машина «ВАЗ 2108» красного цвета, вам принадлежит?

- Мне.

- Вы вчера были за рулем своей машины?

- Да, - отвечала неуверенно.

- Куда вы направлялись? – спросил первый.

- В какое время все происходило? – тут же поинтересовался второй.

- Где-то после десяти, не могу сказать точно...

- Значит, вы утверждаете, что ездили на своей машине вчера после двадцати двух ноль-ноль?

Хочу что-то возразить, но слышу голос Лешки за своей спиной:

- Да, моя жена вчера отлучилась, ездила по делам, - в отличие от меня он говорил более уверенно.

Вот именно в это мгновение мне показалось, что я делаю что-то не так. Что-то стало мешать, давить, сжимать грудную клетку с такой силой, что я не могла сделать очередной вдох.

- Вы должны проехать с нами, - и снова раздается настойчивый голос мужчины в сером пиджаке.

- С вами? Мне детей нужно в садик отвезти.

- Езжай милая, я отведу детей в сад, - и снова голос мужа. Уверенный, подталкивающий к решительным действиям.

Но я не хочу никуда ехать, хочу остаться с ними, со своей семьей. Хочу надеть белую маечку, выглаженную заранее для Ромочки, заплести косички Машеньке, завязав розовый бантик на ее шелковистых волосах. Обхватить их теплые ладошки и повести в сад по серой, пыльной дороге, когда только-только просыпается большое, апельсиновое солнце и освещает яркими лучами спящий город: городские улицы, высотные дома, автомобильные парковки.

Леша подталкивает меня в спину.

Неохотно делаю шаг вперед.

- Мне нужно собраться.

Мужчины, стоящие на лестничной площадке переглянулись между собой и одобрительно кивнули.

Я метеором рванула в детскую.

Прохожу в комнату, крепко-крепко обнимаю своих двойняшек. Они уже встали, сидят на своих кроватках, свесив босые ножки и сонно смотрят на меня.

- Мамочка все хорошо? – спрашивает Ромка.

- Да мои хорошие. Сегодня вас в садик отведет папа.

- Папа? Не хочу, чтобы папа...

Обнимаю их, прижимаю к себе с такой силой, будто не увижу их целую вечность.

- А я вас вечером заберу из садика, хорошо?

Кивают надув губки.

- Ты точно нас заберешь.

- Обещаю, - я ответила и почувствовала, как мой голос дрогнул.

- Хорошо мамочка. Мы будем тебя очень-очень ждать. – Ко мне ближе подходит Маша и крепко обнимает. – Мы так сильно будем тебя ждать. Сильнее всего на свете.

Леша стоял за моей спинной. Когда я обернулась - он посмотрел на меня хмурыми, как грозовое облако глазами, а потом резко, но не громко ответил:

- Мы вчера все обсуждали. Вечером будешь уже дома.

И снова хочу верить ему. Как же сильно я хочу верить.

Потому что люблю. Потому что хочу каждый день видеть Лешку в его потертых джинсах, найковских кроссовках, с легкой улыбкой на лице. Хочу смотреть в его глаза, утомленные солнечными лучами, обнимать его широкие плечи, отвечать на его горячие поцелуи, слушать, как тают между нами звуки, ощущая все тепло его тела. Хочу, как прежде обсуждать с ним все на свете, как с лучшей подружкой, вот так лежа в одной постели, накрывшись белой простыней. Хочу готовить ему завтрак, засыпать на плече и знать, что он первый и единственный в моей жизни.

Меня ведут по длинному коридору. Яркий свет мигающих ламп, стены, окрашены в оливковый цвет, который ни капли не успокаивает, наоборот – напряжение только нарастает. «Скорей бы это все закончилось», - все о чем думала я.

Заводят в душный кабинет, где витает сигаретный дым и запах крепко сваренного кофе, просят сесть за стол. Один из мужчин - уходит, второй - садится напротив меня. Представляется, но я снова не запоминаю его имени. Начинает задавать вопросы, а я не понимаю: зачем он их задает. Слишком нервничаю, слишком волнуюсь, мои ладони вспотели. Как же неловко, неуютно, особенно когда я смотрела в узкие, невыразительные глаза своего собеседника. Он постоянно потирал подбородок и переводил взгляд с моего лица на бумаги, лежащие перед ним.

- Вы знали эту девушку? – он показывает мне фото очень стройной, блондинки. На фото она улыбается, у нее белоснежная кожа и открытый взгляд. Но я вижу ее впервые.

- Вы утверждаете, что вечером с четверга на пятницу в районе десяти часов вечера вы были за рулем? – спрашивает от с интересом. Даже не спрашивает. У меня создается такое впечатление, что он по большей степени утверждает.

- Да.

- Вы сбили эту девушку, а потом скрылись с места ДТП?

- Что? – округляю глаза. – Что значит: «сбила»? – не понимаю, что происходит. Они явно что-то путают. – Нет-нет, - отрицательно качаю головой. - Я никого не сбивала! Я была дома с детьми.

- Еще секунду назад вы утверждали обратное.

- Но я не знала...

- Вы сбили и скрылись с места аварии, - он сказал это с

таким тоном, что у меня все дрогнуло внутри.

- Нет! Вы не правы.

Наш разговор прерывает телефонный звонок. Громкая мелодия из его мобильного раздается на весь кабинет. Он не спешит снимать трубку, а когда снимает, тихо, почти украдкой ведет переговоры.

Он разговаривал, что-то записывал неровным почерком в блокноте, совершенно не обращая внимания на меня. В эти секунды сидела, как на иголках и старалась успокоиться. Все разрешится. Обязательно. Это какое-то нелепое недоразумение. Все ошибаются, хотя потому что человеку свойственно ошибаться.

- Экспертиза подтвердила, - снова обращается ко мне. — Что именно на вашей машине была сбита та самая девушка. Я должен вас задержать до выяснения обстоятельств. Подпишите протокол.

Глава 8

Костя

- Что ты сказал? Повтори! – после его слов весь мир внезапно прекратил свой разбег. Остановился. Оборвался. Замер. Большая китайская стена рухнула, взлетела пыль столбом и повисла оглушающая тишина. Тот самый момент, когда утро не наступит никогда, когда одним махом, все что тебе так дорого погрузилось в беспроглядную темноту.

Я не верил. Не верил словам, не верил в происходящее. Когда густые краски перемешались, и получился один единственный цвет – беспросветно-черный. Сложно представить, что ее нет и уже никогда не будет. Это проклятое слово: никогда...

Нет! Этого не может быть. Марк, скорее всего сейчас в баре. Напился в стельку, несет какой-то бред. Ева – она... Она не могла.

У нас ужин в ресторане. У нас планы на жизнь, на будущее, какая к черту авария! Она мечтала о ребенке, о нашем с ней общем ребенке...

- Выезжаю, - все что я ответил ему и стремглав покинул кабинет.

Я неся по автострате, словно за мной гнались все менты, работающие в этом городе. Я гнал так, что казалось не различаю цветов на светофоре, да и в такой момент мне было

наплевать. Пусть хоть землетрясение, хоть конец света, я хочу увидеть ее. Только ее. Хрупкую, нежную, ранимую.

Ударил по рулю, едва сдерживая гнев. До конца не верю в происходящее. Как можно поверить в то, что твоя женщина мертва. Ее больше нет в жизни, но она есть в твоём сердце, в твоей душе и будет там всегда.

И не смотря на все сказанное, представленное в моем воображении, мне хотелось скорее увидеть ее, как можно скорее. И я увидел.

Когда приехал на место, полицейские были уже здесь. Оградили территорию желтой лентой, оставив свои машины с включенными мигалками рядом с местом, где все произошло.

Я медленно шел к ней в ночной, промозглой темноте, слышая гулкий звук своих шагов. Все ушло на второй план, стояло только мне приблизиться к ней.

Я смотрел в ее бледно-синее лицо и словно прошелся босиком по разбитому стеклу. Будто острые осколки застревали в моих ступнях, а я продолжал идти.

Продолжал смотреть на ее стройное, изящное тело, которое неподвижно лежало на холодной, сырой земле.

Если бы я мог вернуть время, если бы я только мог! Я же столько ей не сказал, столько не сделал. Еще сегодня утром, думал, что впереди у нас целая жизнь, а оказалось... А оказалось, все гораздо сложнее. Бесконечность серых дней, пустота и боль. Неутихающая, ноющая, где-то там глубоко в

груди, потому что ее уже никогда не будет рядом.

Ее глаза были открыты, она расправила руки в разные стороны, слегка согнув ноги в коленях. Я склонился над ней. В стылом воздухе еще ощущался запах ее духов. Прикрыв своей ладонью ее веки и тихо прошептал: «Спи спокойно моя дорогая».

- Черт! Мать твою! – не сдержался. Поднялся с колен, ударил кулаком о рядом растущее дерево. Раздается хруст, осыпалась кора, черные птицы вздымаются к холодной луне, которая показывается из-за хмурых облаков.

Что мне остается? Только найти этого ублюдка. Наказать по всей строгости закона. Уничтожу гада! Пусть это даже противоречит моим принципам.

- Кто он? Уже известно? – интересуюсь я, когда подхожу к следователю районной прокуратуры. Он стоит ко мне в пол оборота, держит в руках папку с бумагами, пытается разглядеть написанное в полуночной темноте.

Я его хорошо знал. Он нормальный мужик, (будет биться за правду до последнего) несмотря на то, что с ним мы по разные стороны баррикад. Но каждый выбирает свой путь. Я выбрал этот. Во-первых, он сложнее, во-вторых, мне так хочется. Найти и наказать или найти и доказать. Казалось бы похожие, но совершенно не совместимые понятия.

- По предварительным данным, она шла оттуда, он указал рукой на тускло горящий фонарь. - Переходила дорогу и тут ее сбили. Машину бросили через пару метров. Скорей

всего сбили и даже не остановились. Лишь потом, через пару-тройку метров. Машину бросили там, - теперь он указал рукой в другом направлении.

- Камеры наблюдения? Свидетели? Хоть что-нибудь...

Отрицательно качает головой.

- Пока ничего.

- А хоть кому принадлежит машина установили?

Он повернулся ко мне лицом и недоброжелательно посмотрел. В общем, все как обычно. Терпеть не могут, когда их учат, как нужно работать. А их нужно учить работать, иначе все будут делать медленно, да и куда им спешить.

- Машина зарегистрирована на некую Раевскую Наталью Дмитриевну. Заявление об угоне не поступало, уже проверили. Поэтому скорее всего было так: она сбила, затем проехала, вот да этого места, резко затормозила - он снова начал указывать руками в разные участки опустевшей дороги. Я перевёл взгляд на поддержанное советское авто, двери которого открыты настежь и которому скорее всего лет двадцать в прогоне, а может и больше. – После чего вышла из машины, ушла пешком, оставив транспортное средство. Возможно испугалась. Эксперт утверждает, если бы оказали первую медицинскую помощь, все завершилась бы иначе. Твоя девушка была бы жива.

Жива... И это слова как удар под дых. Сбили и бросили умирать. Мою светлую, нежную, мой луч солнца в этом клятом конце туннеля.

Достаю из кармана смартфон, задумчиво кручу его в руках.

- Где она сейчас? Хозяйка машины?

- Очень надеюсь, что дома, - его доверительная интонация, меняется на неопределенную. - К ней уже выехали.

- Мне нужно устроить с ней встречу.

- Константин Юрьевич, в нынешнем положении ты можешь только навредить.

- Сам разберусь. Я во всем разберусь сам...

Глава 9

- Я имею права задержать вас до выяснения обстоятельств...

- Какие еще обстоятельства? – развожу руками. - Какая экспертиза? – округляю глаза, не понимаю, что происходит. – Это какая-то ошибка. Нелепая, бессмысленная. Мне нужно домой, у меня дети, муж. Я только с рейса приехала, еще даже не успела толком сумки разобрать. И детей мне нужно из садика забрать, - с трудом сглатываю, перевожу дыхание и продолжаю:

- Столько дел: стирка, уборка, глажка, к маме обещала заехать, лекарства от давления завести. А тут задержать... Зачем?

У моего собеседника лицо каменное, спокойное. Смотрит исподлобья и даже мускул не дрогнул на его круглом, землистом лице. Ему все равно, он выполняет свою работу. Очень хорошо выполняет. И в какой-то степени я его понимаю. Это равносильно тому, если я посадила бы безбилетного пассажира в поезд, который бы убедительно доказывал мне, что билет он забыл дома, причем вместе с паспортом.

- Из-за вас погиб человек. Молодая девушка. Вы ее сбили на своем автомобиле и скрылись с места преступления.

- Я этого не делала! – сжимаю ладони в кулаки. Мне хочется подскочить со своего места, выбежать из кабинета, сде-

лать хоть что-нибудь, чтобы он мне поверил! Понял, что я говорю правду.

- Еще минуту назад вы утверждали обратное, - поджимает губы и снова опускает взгляд. Начинает перебирать бумаги, делает вид будто перед ним пустой стул, а меня уже увели в камеру.

Отрицательно качая головой и чувствую, как волосы падают на лицо. Его слова, они не пугают, они действуют на меня, как яд, который медленно проникает под кожу и отравляет.

- Этого не может быть... Не может, - слышу, как мой голос переходит на хрип.

- Может, - раздался его короткий ответ. Он кивает мужчине в форме, который находится еще в кабинете и меня увольняют.

Ведут по длинному коридору. Заводят в камеру. Железная дверь захлопывается за мной, слышатся шаги конвойного. Я с минуту стояла не шелохнувшись прижав ладони к груди и опустив голову. Не могу смириться не могу понять, что происходит. Реальность, будто стирается, будто ее сейчас не существует. Сердце невыносимо билось в груди. Тук-тук, в безмолвной тишине, я слышу удары, как стук колес, как стрекот мотора.

Что это? Шутка? Розыгрыш? Не могу и не хочу верить в происходящее. Дрожь в руках, дрожь в коленях. Хочу домой, я так сильно хочу к детям.

Не знаю сколько я вот так стояла у порога. Думала, предполагала и лишь одна мысль засела занозой у меня в голове: Лешка... Он сказал, что все будет хорошо. Он говорил об этом так уверенно. Я не могла ему не поверить. Он мой муж. Мы столько вместе с ним пережили. И боль, и радость и утраты.

Наконец-то поднимаю голову. Оглядываюсь, медленно иду по бетонному полу к койке. Сыро, грязно, пахнет плесенью. Расстилаю старый, матрац. Ложусь, поджав под себя колени. Меня до сих пор трясет, никак не могу унять дрожь во всем теле. Так обычно бывает, когда меня знобит, когда поднимается высокая температура. Сколько я здесь пробуду? Когда меня выпустят?

- Мне нужно позвонить, мне нужно..., - подсказываю со своего места, бегу к двери и начинаю в нее стучать. Нет, даже не стучать, тарабанить со всей силы кулаками.

- Откройте! Немедленно!

- Ты успокоишься там наконец-то! Или сейчас в карцер оформим, – все что мне ответили по ту сторону двери.

А потом снова тишина. Она давила, пугала, расстилалась по полу, как едкий, табачный дым. Я не могла успокоиться. Потому что в мое сознание приходила лишь одна мысль: Лешка, мой муж – это он был за рулем. Это он... А теперь от этой мысли мне хотелось звонко рассмеяться, потому что я вспомнила слова мужчины в сером пиджаке, который представился следователем, который говорил о девушке, которую

сбила моя машина. МОЯ!

А за рулем был Лешка... И это противоречило моим принципам, моей жизни в целом.

Я хотела все отрицать, но каждой минутой все становилось очевидным. Врать себе глупо, надеяться на что-то тоже.

Нет, Лешка, что-то придумает. Я продолжала сопротивляться, продолжала не верить им всем. Кто они для меня? Никто. А Лешка мой муж. Мы вместе с ним под одной крышей растим двух замечательных детей. У нас чудесная семья. Все так говорят, даже соседки, у которых злые языки.

А когда прошел час, затем другой и тучи сгущались за маленьким решетчатым окошком - надежды становилось все меньше и меньше.

Двери неожиданно распахнулись и грубый мужской голос произнес:

- Раевская на выход. К тебе адвокат пришел.

Глава 10

Адвокат! Оборачиваюсь. Замираю. Легко улыбаюсь, когда смотрю на открытые двери. Хлипкая надежда, закралась мне в душу. Это Точно Лешик, мой дорогой муж. Сейчас он все решит. Он же говорил, что все будет хорошо. Он же говорил...

Я быстро вышла из камеры. Мне казалось, что я просидела там целую вечность и весь этот отравляющий запах отпечатался на моей одежде.

И самое главное, не хочу больше туда возвращаться.

Меня завели в небольшую комнату, где стоял стол и два стула. Над столом тускло горела лампа, освещающая желтым светом только деревянную поверхность стола. Продолжаю сидеть, сложив руки на коленях, когда из темного угла выходит он. Высокий, статный, невозмутимый. Мистер спокойствие с ядовито-черными глазами. Можно подумать, что в прошлом – спортсмен. В настоящем – крутой адвокат.

Он смотрел на меня подобно рентгену, будто хочет разглядеть насквозь. А ещё меня не покидало ощущение, что я его где-то видела. Его серьезное, мужественное лицо казалась таким знакомым, будто мы виделись вчера, обменивались комплиментами. В лучшем случае комплиментами.

Он долго молчал. Смотрел прямо в глаза, а я не выдержав зрительного противостояния опустила взгляд в пол.

Он не церемонился со мной, рубил сразу с плеча, а в такой ситуации, возможно это то, что так нужно.

Он приковывал внимание к себе. Постоянно поглядывал на дорогие часы с импортным кожаным ремешком. Я как-то видела такие, когда хотела сделать Лешке подарок на день рождения. Мой муж мечтал о таких.

Раздался гулкий стук его шагов. Он обошел вокруг меня, заложив руки в карманы стильных брюк, остановился за моей спиной.

- Вас прислал Леша? Мой муж? - я первая решаюсь начать разговор.

Он продолжает стоять за моей спиной и я чувствую такое напряжение. Нет, это не был страх, это было что-то невыносимо жуткое. Я чувствовала сильное, почти лихорадочное волнение.

- Нет, - раздается его короткий ответ.

- Тогда почему вы сейчас здесь?

Он снова подошёл ко мне близко-близко. Склонился над мной и я почувствовала древесный, с тонкими нотами сандалового дерева аромат его духов, увидела, идеально чистый, накрахмаленный до скрипа воротник его белоснежной рубашки. И волосы... У него густые, жесткие волосы, темно-русого цвета, которые безупречно уложены. Настолько безупречно, что кажется, так сделать невозможно.

- Я хочу, чтобы ты мне рассказала все. Все как было на самом деле, – сколько уверенности в его голосе.

- Меня выпустят? Скажите, как скоро?

Его темные, как черничное небо глаза блеснули огнем. Он сильнее нахмурил брови. И в этот момент, я его узнала. Да! Это был Костя. Тот самый Костя.

Такое странное обстоятельство, что мы знакомы, пусть не слишком хорошо, косвенно, но знакомы. Это была всего одна встреча, всего один разговор, а еще это было слишком давно. И если бы сказали, что когда-нибудь я встречу с ним еще раз – я бы никогда в это не поверила.

Я не знала, узнал ли он меня. Скорей всего узнал, у него такой проницательный взгляд. Да, такие как он ничего не забывают.

На какое-то мгновение я вернулась в свое давно забытое прошлое. Хотя сомневалась и не знала нужно ли это делать...

6 лет назад...

Ливень хлынул, как из ведра. Шквалистый ветер только усиливался, белая пелена накрывала с головой, искажала видимость. Я стояла на тротуаре, раздумывая, где можно укрыться от сильного дождя, пытаюсь натянуть джинсовую куртку на голову.

Его дорогая тачка остановилась напротив меня. Он приоткрыл тонированное стекло. Приспустил стильные очки, кивнул, давая понять, чтобы я села в машину.

- Мне тут недалеко, - ежусь от холода и чувствую, как по

моим волосам стекает дождевая вода. За минуту я промокла до нитки, будто на меня вылили ведро с проточной водой.

- Тогда ты поплывешь.

Оглядываюсь по сторонам. Он прав. Дождь лишь усиливался, вдали гроыхало. «Конспекты, тетради, все же промокнет», - думала лишь об этом.

Сажусь в его машину. Теплый кожаный салон, легкая музыка, доносящаяся из магнитолы. Единственное, за что я переживала, так это за его кожаные сиденья, они же будут мокрыми от моей одежды.

Он заводит мотор и машина резко трогается с места.

- Куда едем?

Я называю адрес.

- Ты умеешь водить тачку?

- Я никогда не научусь водить. Водить машину – это точно не про меня.

- Брось! – его ослепительная улыбка не просто ослепляет. Она заставляет меня тоже улыбаться. Приятная особенность – когда он улыбается, хочется улыбаться самой.

- Первый курс универа! Ты на трамвае собралась ездить?

- Родители мне не купят машину. А отцовская вот-вот развалится. И в общем, я мечтаю всю жизнь путешествовать на поезде.

- Будущая путешественница, которая, каким-то образом забрела на юр фак.

- Отец настоял, - улыбка сходит с моего лица. – Он быв-

ший мент, который всегда хотел сына, а тут родилась дочь, но все равно она должна пойти по его стопам.

Он рассмеялся. Хлопнул по рулю и его бархатистый смех еще больше заполнил салон дорогого авто.

- Ты смешная, - резко затормозил, посмотрел прямо в глаза, протягивает руку и заправляет мокрый локон мне за ухо.
– Мокрая и смешная.

Поворачиваю голову, смотрю через лобовое стекло. Дождь почти закончился. Мы на месте. Так быстро приехали, я и не заметила.

- Мне пора, - смущенно произношу и поджимаю губы. - Спасибо, что подвез. Выхожу, на прощанье громко хлопаю дверью. Закидываю рюкзак за плечо. Сколько я его знаю? Неделю. Как только я переступила порог универа - столкнулась с ним в дверях. Это был такой огромный бах! Искры из глаз, и немеющая боль в области грудной клетки. Словно я столкнулась со скалой. Непробиваемой скалой. Тогда я разволновалась, занервничала и убежала. А потом видела его только на физкультуре и украдкой наблюдала, как он подтягивается на турниках. У него очень сильные руки. И взгляд, тоже очень сильный.

- Эй, постой! – кричит мне вдогонку. – Путешественница! Ты с группой пойдешь в поход?

- У меня нет на это времени! – кричу я ему в ответ.

- Ну как знаешь! – так же громко отвечает он, а потом садится в свою машину.

Я смотрю ему вслед и вижу, как зажглись две светлые факелы. Он резко дает по газам, рассекая колесами потоки дождевой воды.

Сама не знаю, почему собираю сумку в этот самый поход, звоню Аленке, девчонке, с которой я уже успела подружиться и постоянно спрашиваю, что нужно еще с собой взять.

- Резиновые сапоги нужны?

- Зачем они тебе там? Твой Костик странный какой-то. Нормальные на дискач в клуб зовут, а этот в поход.

- Он не звал, он предложил пойти вместе со всеми.

- Ну да, ну да, - она весело хихикнула в трубку.

- Ты преувеличиваешь, - сбрасываю, а потом падаю на кровать, подложив руки за голову вспоминаю, как он заправлял мои волосы за ухо. Как едва касался теплыми пальцами моего лица, как пахло в его салоне розмарином и этот самый момент мне показался особенным.

Мы пели песни у костра. Слава играл на гитаре, исполняя что-то из репертуара Бутусова. Я накинула теплый плед на плечи и замороженным взглядом смотрела на огонь. Как маленькие искорки подпрыгивают в такт музыке, как становится тепло.

- А где Костя? – спрашиваю у Славы, когда тот отложил гитару в сторону.

- Уехал он.

- Как уехал?

- Навсегда, сказал, что в эту дыру он больше никогда не

вернется.

Глава 11

- Ты вроде говорил, что в эту дыру не вернешься?

Он улыбнулся и его ровные, белоснежные зубы, так выделялись на фоне загорелой кожи.

- Иногда наша жизнь складывается так, что нужно брать свои слова обратно. Но если честно, я не думал, что ты меня узнаешь. Но как вижу, на память ты не жалуешься.

- Тебя сложно не узнать.

- А ты так и не научилась водить машину.

Никак не комментирую. Машину я действительно вожу ужасно. Сажусь за руль, лишь в крайнем случае.

Как-то Лешка заболел, мне нужно ехать в рейс, позвонила мама и попросила привезти внуков на новогодние каникулы. Да, в такие моменты вынуждена сесть за руль.

Но я всегда должна быть уверена, что детям безопасно. Ремни пристегнуты, им удобно в детских креслах. Всегда сосредоточена на дороге, не пропускаю ни одного знака, торжожу там, где казалось можно не тормозить. Пропускаю пешеходов на зебре и всегда чувствую напряжение, поэтому все мои поездки ограничиваются в ближайших районах города. Тем более машина у нас не такая новая и несколько раз ломалась на трассе. А я даже не представляю, что с ней делать, если она вот так заглохнет.

- Но сейчас не об этом. Я разговаривал со следователем, -

Костя сел напротив меня, смотрел безотрывно, сложив руки перед собой. Столько серьезности в его голосе, а я помню его совершенно другим.

Если мне когда-то и хотелось с ним встретиться, то совершенно при других обстоятельствах. Где-то в парке, где цветет сирень, гуляют с собаками или просто сидят на деревянных лавочках со спинкой, листая в телефоне ленту соцсетей. Или встретиться с ним случайно, на площади, где мы часто с двойняшками кормим голубей и среди сотни прохожих узнать его. Я бы рассказала ему, как сложилась моя дальнейшая жизнь с того самого момента, когда он пригласил меня пойти с группой в поход.

Мне сложно было смотреть ему в глаза, от него исходила такая царственная уверенность. А еще почему-то я чувствовала, что так виновата перед ним. Словно совершила непростительную оплошность, за которую нужно немедленно извиниться. И не просто извиниться... Для него это будет слишком мало.

- Твой следователь говорит, что ты отказываешься подписывать признание. В машине твои свежие отпечатки пальцев. Тем более ты сама утверждаешь, что была за рулем. Зачем тогда отпираешься?

Я молчала. Он загнал меня в темный угол, из которого выход только один – тюрьма. Колония строгого режима из которой я вернусь, когда мои дети будут совсем взрослыми. Но самое главное я этого не совершала, даже предположить

не могла...

- Я сказала, что не виновата.

Теперь замолчал он. Его молчание было не долгим, а потом снова рубил с плеча:

- Я хотел рассказать о твоей маме. Она в реанимации. Сердечный приступ. Врачи говорят надежды почти нет.

Я подскочила так резко, что стул, на котором сидела перевернулся позади меня. Желтая лампа, покачнувшись над нашими головами, рассеивая тусклый свет по серой комнате в которой не было даже маленького окошка.

- Этого не может быть. Не может..., - отрицательно качая головой.

- Вот и твоя мама не поверила, когда к ней из полиции приходили и расспрашивали про тебя. Она сказала, что ты приезжала к ней вчера.

- Мне нужно к ней! – говорю на грани истерики, подбегая к двери и начинаю колотить в нее кулаками. Бью! Бью, сбивая костяшки пальцев и все равно продолжаю колотить дверь, не чувствуя своих дрожащих рук. Тот самый момент, когда не чувствуешь боли, не чувствуешь ничего. Только мама... Только к ней...

- Выпустите! Выпустите! – мне хочется упасть на колени, прижать исцарапанные руки к груди, поднять голову к потолку и реветь навзрыд.

- Тебе лучше успокоиться, - он подходит ближе и берет меня за руку. У него теплая, сильная рука.

- Я должна увидеть ее. Я должна... Хотя на минуточку. Вот также взять ее за руку, прошу. Ведь это не так уж много, - мои глаза застилают слезы.

- Если подпишешь признание я могу добиться, чтобы тебя отпустили к матери в больницу...

Из разговора с Костей я поняла одно – это конец. Точнее начало конца. Новая точка отсчета. Когда жизнь раскололась на две части. Только я не понимала за что мне все это?

Чувствуешь себя, как загнанный в клетку зверь. Они доведут дело до суда, без особых стараний.

Леша... Мой муж. Я долго отрицала это, но в такой ситуации лучше признать вещи очевидными, чем тешить себя иллюзиями. До сих пор мне сложно произносить, то что он сделал. Мне даже сложно сформулировать этот вопрос и построить предложение, потому что никак не укладывается в голове.

Еще не понимала почему Костя? Почему он сейчас здесь, пытается строить линию защиты? Решил помочь по старой, несостоявшейся дружбе? Плохо в это верится.

А потом, когда двое в форме вели меня обратно в камеру и разговаривали за моей спиной, все стало понятно:

- Вот мужик дает, она его невесту сбила, а он ее защищает...

Глава 12

Костя

Я с детства прекрасно помнил, как раньше тянулось время. От праздника к празднику. Новый год, день рождения, затем долгие каникулы в мае. Когда ждешь отца с работы, уставшего, голодного, злого. Но он обязательно, что-то принесет для меня в своем кожаном портфеле. И я никогда не угадывал, что именно: жвачки, машинки, а может футбольные гетры. Он всегда говорил: «Малый, ты станешь хорошим адвокатом» и почти как в воду глядел.

Мне всегда нравилось вспоминать то самое беззаботное время. Мои постоянные, сбитые в кровь колени. Да, я не был спокойным подростком. Мы играли в футбол, пили за гаражами, а потом закусывали цветками акации, чтобы мать не унюхала. Но она унюхала и кричала, замахиваясь на меня батиным тапком сорок пятого размера. Но я не обижался. Я любил мать, скорей всего даже больше, чем отца.

А потом, когда мы дружно, всей семьей переехали - все изменилось. У времени появился совершенно другой счет. Оно бежало, мчалось на всех парах, только и успевай оглядываться. Но в этот раз я оглянуться не успел, как ее не стало. Ева... Она стремительно пришла в мою жизнь и также стремительно исчезла.

Ее посадят, а Еву уже не вернешь.

Наташу я сразу узнал. Когда ее вели по длинному коридору, когда молоденький сержант громко и четко говорил ей стать лицом к стене. Хотя она немного изменилась, со студенческих лет. Теперь носит короткую стрижку, ещё больше похудела, как-то вытянулась, стала еще женственнее, а самое главное в ее глазах отражалась такая печаль, что мне самому стало не по себе. Если бы мне рассказали, что мы когда-нибудь встретимся еще – я бы ни за что не поверил. Но наши дороги зачем-то снова переплелись.

Я не мог назвать ее счастливой. Я бы не назвал ее грустной. Но в ней было что-то такое непринужденное, легкое, почти воздушное, будто розовая шаль спадает с плеч и ее уносит ветер.

Я сидел напротив нее, в комнате для допросов и не верил ни единому ее сказанному слову. Что-то было не так... Не так как всегда. Я вглядывался в миловидное лицо Наташи, которое, казалось выплывало из темноты и не мог понять, что же мешает верить ей? Мой жизненный опыт? Когда лица преступников видишь чаще, чем простых прохожих.

Сколько я видел таких за свою практику? Эта другая. Хрупкая, ранимая, с большой болью в груди. У нее такие выразительные, правдивые глаза, казалось, она совершенно не умеет лгать.

Вспоминаю тот самый случай когда впервые увидел ее. Кажется, мы столкнулись в дверях универа. Она заходила, я выходил или наоборот, уже плохо помню, столько времени

прошло. Сначала я подумал, что с такой, как она неплохо будет скоротать вечер, но когда она села ко мне в машину - понял, что мне нужно намного больше, чем просто затащить ее в постель.

А я хотел ее ненавидеть. В этой, темной, раздражающей комнате, где так тускло горела лампа. Но не получалось. И не знаю, получится ли теперь, говорит она так искренно, что пробирает до костей.

Я впервые сомневаюсь и от этой мысли становится смешно. Почему она так себя ведет? Что ей руководит? Понимаю, для нее я чужой, говорить мне правду, все равно что пить из пустого колодца. Она боится верить, доверять. Тем более мне все отчетливей кажется, что она знает почему я здесь и кто такая Ева.

Я говорил о ее матери, видел, как она меняется в лице. Нет, она и до этого не выглядела счастливой. Но она переживала. Так отчаянно била в двери, что мне невольно захотелось протянуть ей руку.

- Зачем мы сюда приехали?

Марк недоумевал. На самом деле, он редко задает неуместные вопросы, но в этот раз был другой случай.

Мы стояли на вокзальной площади возле шаурмичной. Я вдыхал запах жареного мяса, оглядывался по сторонам и понимал, что ресторанная еда намного отличается от уличных фаст-фудов. Вкусом, внешним видом, ароматом. Да всем,

черт, побери!

Затем с громкоговорителя объявили, что скорый поезд номер 142 прибывает на первый путь. Женщины, мужчины, которые толпились близи нас, резко направились в сторону вокзала и колеса их больших чемоданов застучали по серому асфальту.

Я взглянул на огромное информационное табло, на котором отображалось расписание поездов. Нет, это нее ее поезд. Ее поезд номер 642 и прибудет он через двадцать минут. Поэтому придется терпеливо ждать дальше.

- Она здесь работает, а училась в одном из лучших вузов города, - наконец-то я отвечаю Марку.

- Проводницей, так проводницей, - он пожимает своими мускулистыми плечами. - Учебу она бросила потому что, ее отец умер, пока твой получил повышение и стал заколачивать огромные бабки. Ты закончил учебу за границей, а ей пришлось пойти на работу, чтобы помогать матери. Но самое главное не это. Самое главное, что ты ей не веришь.

- Ты прав.

- Но она же сама призналась.

- Она сказала, что была за рулем. А может она вышла на три метра раньше, а в машину сел кто-то другой, а может тачку кто-то угнал, а заявление она не написала, а может она выгораживает кого-то. Вариантов масса, выбирай любой.

- А смысл? – его загорелое лицо не скрывало удивления.

- Я совершенно не понимаю, зачем ты это делаешь. Еву

не вернуть... А эту Раевскую не поймешь... То она была за рулем, то она не была. Мутная какая-то она.

«Ее не вернуть», - эти слова, как удар под дых. От этой мысли все снова сжалось в груди. Если бы только только можно было вернуть время. Тогда, много лет назад, когда лил дождь и Раевская скромно сидела на переднем моей тачки, я бы поцеловал ее в губы, запустил руку под блузку и Ева осталась бы жива. Потому что в моей жизни не было никакой Евы. Я бы не бросил универ, не уехал за границу, не посещал банкет у Пьера в Париже, где выступала Ева. Ведь именно там я познакомился с ней.

- Ты хочешь ее вытащить? - мои мысли прерывает Марк. Он заправил руки в карманы своих рваных джинс и продолжал удивленно смотреть на меня.

- Я хочу узнать правду и только правду.

- Это так на тебя не похоже. Ты всегда говорил, главное чтобы платил клиент. А чем тебе может заплатить Раевская?

- Правдой. Чаше это дороже всяких денег.

Глава 13

- Как? – тихо произношу и поднимаю голову, чтобы взглянуть в лицо сержанта, который снова ведет меня в камеру.

Это была его девушка? Невеста? Я не видела на его безымянном пальце кольца, поэтому сложно утверждать, что она была его женой. Конечно-конечно, теперь это многое объясняет, почему он здесь. Сколько стоит такой адвокат? Даже если бы пришлось заложить квартиру, не хватит, чтобы рассчитаться за его услуги. И даже если он просто скажет: «решил помочь по старой дружбе». Но не было никакой дружбы. Так... Случайность двенадцатилетней давности.

Сержант настороженно посмотрел на меня, опустив свои широкие брови и ничего не ответил. Звякнул связкой ключей, затем открыл дверь камеры и снова посмотрел. Теперь уже по-другому. Задрав подбородок, высокомерно, уверенно, будто я где-то там на десять ступеней ниже. И мне действительно показалось, (возможно от усталости, а возможно от резкой перемены негативных событий), что я где-то там, в пустом, давно высохшем колодце, где так сыро и темно пытаюсь звать на помощь, но все тщетно, лишь мое звонкое эхо слышится в ответ.

После разговора с Костей, стало только хуже. Чугунное тело не слушается, сложно сделать шаг, дойти до конца коридора и снова оказаться в маленькой, темной камере, в ко-

торой хочется лезть на стены. Хочется найти хоть какой-нибудь выход или хотя бы маленький ключик к этому выходу.

Захожу в камеру. Теперь меня не раздражает без конца капающая вода из закрытого крана и скрипучий, деревянный пол, выкрашенный в кирпично-красный цвет. У моей бабушки, в летней кухне были такие же полы. Как сейчас помню, мне чуть больше пяти лет, мы с мамой приехали к ней. Стоим на пороге с букетом мимоз, а она суетится возле печи, закатив рукава. Говорит, что мы рано приехали она не успела помыть полы к нашему приезду. Тут я и обратила внимания на эти полы. Почему темно-красные? Цветом почти, как наша кровь. Лишь потом, когда я уже училась в школе мне объяснили, что такая краска была доступной и стойкой.

Я пыталась думать о чем-то другом. Но Леша... даже если я этого не хотела он все равно проникал в мои мысли. И стоило мне вспомнить хоть на мгновение о муже, как внутри все замирало и резко вздрагивало, будто начиналось землетрясение. Да такое что дрожат окна, двери, трескается асфальт, распадаются целые города на тысячу мелких обломков. И самое главное этому невозможно противостоять.

Думать и не думать об этом невозможно.

Леша знал. Все продумал, толкал меня в спину и лгал, смотря в лицо. Разве с этим человеком я прожила почти восемь лет? Нет! Я жила с другим. Заботливым, верным, который готов в трудную минуту подставить свое сильное плечо.

Или мне просто хотелось в это верить...

А ночью здесь совсем тихо. Редко слышны глухие шаги и мужские голоса. И кажется, что от этой тишины можно сойти с ума. Когда лежишь в темноте, вдыхая сжатый воздух и мечтаешь о доме. Я мечтала о маминых духовых пирожках с рисом, яйцом и зелеными перьями лука. Я мечтала о пенной ванне с маслом лаванды или хвои. Я мечтала о теплых и таких родных объятьях своих детей. О поцелуях в их бархатистые щечки и пожелания спокойной ночи перед сном. «Мамочка, пусть тебе приснятся котики», - говорили они в один голос, затем закрывали глаза и сладко засыпали в своих кроватках. А я выключала ночник, на носочках выходила из их комнаты, едва останавливалась в дверях, чтобы еще раз взглянуть на их удивительные, милые личики. У Ромочки был синячок под глазиком, упал, когда играл на детской площадке, но совсем не плакал, а так по-взрослому сказал, что шрамы мужчин украшают.

Я сильно не хотела быть здесь, и я не должна быть здесь.

- Раевская на выход, - снова железная дверь со скрипом открылась. Сколько я вот так просидела, сложив руки на коленях, ощущая холод в теле – не помню. Здесь время тоже потеряло всякий смысл.

А я всегда смотрела на часы, хотя бы по той самой причине, что моя работа связана со временем. Через сколько поезд прибывает на следующую станцию? Через сколько времени отправляемся? Когда нужно раздать постельное белье? Сде-

лать чай? Какой промежуток времени пройдет, как я вернусь домой и снова уеду в рейс? А теперь не уеду. С каждым последующим проведенным днем мне все больше кажется, что выхода отсюда нет и не будет. А теперь еще и адвокат Костя, который оказался для меня не совсем адвокатом.

- Раевская! Ты что оглохла? – рявкнул сержант.

Я заправила волосы за уши, встала с жесткого матраса и, заложив руки за спину медленно пошла к выходу.

И снова темный коридор, и снова куда-то ведут.

На этот раз кабинет следователя. Душный, серый, где витает запах растворимого кофе.

Стол высоко мужчины в серой рубашке завален бумагами. Сам он сидит в очках и внимательно смотрит в экран монитора. Отвлекается лишь тогда, когда я сажусь напротив него.

- Когда меня отсюда выпустят?

- Лет через семь-восемь. Может меньше. Завтра тебя переведут СИЗО. Так тебя ждёт этап Раевская, - он откинулся на спинку своего крутящегося кресла, хлопнул в ладоши и поджал губы.

- У меня мама в больнице, мне нужно к ней!

- Мама твоя действительно в больнице. Адвокат конечно бьётся, чтобы тебя выпустили под залог, но думаю вряд ли получится.

- Почему вы думаете, что у него вряд ли получится? – после его слов хлипкая надежда проскочила перед глазами, как быстролетная антилопа. Я даже слегка привстала, прижав ла-

дони к груди. Что он говорит это правда? Залог? Сколько же это может стоить...

Теперь он уперся двумя руками об стол и сосредоточил свой взгляд на мне.

- Его невеста погибла под колесами твоей машины, - отчеканил он. - Не думаю, что он будет тебя защищать тебя в суде. Вот упечь подальше и надолго – это будет для него более разумный вариант.

- Мне нужно домой, мне нужно к детям! - я прикрываю лицо ладонями. Отрицательно качаю головой и никак не могу с этим смириться. Разве можно с этим смириться? Никогда. Ни за что на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.